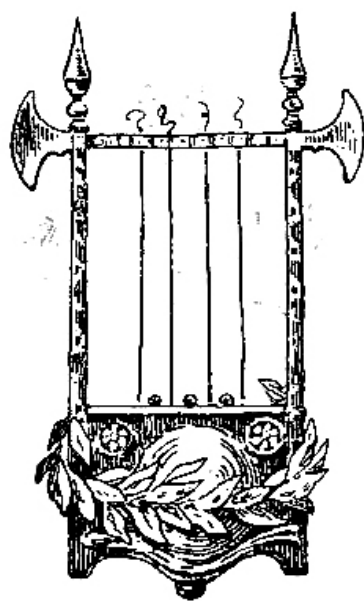

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОСС. СЛОВЕСНОСТИ.

1906.

Памяти Чехова.

И. Бунинъ.

Памяти Чехова.

Я познакомился съ Чеховымъ въ Москвѣ, въ концѣ девяносто пятаго года. Видѣлись мы тогда мелькомъ, и я не упомянулъ бы объ этой встрѣчѣ, если бы мнѣ не запомнилось нѣсколько фразъ, очень, по-моему, характерныхъ для Чехова даже по ихъ тону.

— Вы много пишете? — между прочимъ, спросилъ онъ меня.

Я отвѣтилъ, что мало.

— Напрасно, — почти угрюмо сказалъ онъ своимъ низкимъ груднымъ баритономъ. — Нужно, знаете, работать... Не покладая рукъ... всю жизнь.

И, помолчавъ, безъ видимой связи прибавилъ:

— По-моему, написавъ рассказъ, слѣдуетъ вычеркивать его начало и конецъ. Тутъ мы, беллетристы, больше всего время...

Потомъ разговоръ зашелъ о стихахъ, и онъ вдругъ оживленно спросилъ:

— Послушайте, а стихи Алексѣя Толстого вы любите? Вотъ, по-моему, актеръ! Какъ надѣлъ въ молодости оперный костюмъ, такъ на всю жизнь и остался.

Послѣ этихъ мимолетныхъ встрѣчъ, этихъ случайныхъ разговоровъ, нѣсколько фразъ которыхъ я привожу только потому, что въ нихъ были затронуты любимыя темы Чехова—о томъ, что надо работать „не покладая рукъ“ и быть въ работѣ до аскетизма правдивымъ и простымъ,—мы не видѣлись до весны девяносто девятаго года. Въ апрѣлѣ этого года я пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Ялту и однажды вечеромъ встрѣтилъ Чехова на набережной.

— Почему вы не заходите ко мнѣ?—было его первыми словами.—Непремѣнно приходите завтра.

— Когда?—спросилъ я.

— Утромъ, часу въ восьмомъ.

И, вѣроятно, замѣтивъ на моемъ лицѣ удивленіе, онъ пояснилъ:

— Мы встаемъ рано. А вы?

— Я тоже,—сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ и приходите, какъ встанете. Будемъ пить кофе. Вы пьете кофе?

— Изрѣдка пью.

— Пейте каждый день. Чудесная вещь. Я, когда работаю, ограничиваюсь до вечера только кофе и бульономъ. Утромъ—кофе, въ полдень—бульонъ. А то на сытый желудокъ плохо работается.

Я поблагодарилъ за приглашеніе и замолчалъ, обрадованный и взволнованный. Онъ тоже замолчалъ, и такъ мы прошли всю набережную и сѣли въ скверѣ на скамью.

— Любите вы море?—сказалъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, — отвѣчалъ онъ. — Только ужъ очень оно пустынно.

— Это-то и хорошо,—сказалъ я.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ, глядя куда-то вдаль сквозь стекла пенснэ и, очевидно, думая о чемъ-то своемъ. — По-моему, хорошо быть офицеромъ, молодымъ студентомъ... Сидѣть гдѣ-нибудь въ людномъ мѣстѣ, слушать веселую музыку...

И, по своей манерѣ, помолчалъ и безъ видимой связи прибавилъ:

— Очень трудно описывать море. Знаете, какое описаніе моря я читалъ недавно въ одной ученической тетрадкѣ? „Море было большое“. И только. По-моему, очень хорошо!

Можетъ быть, вышеприведенныя фразы покажутся кому-нибудь странными или манерными. Но я не боюсь ихъ приводить, — даже подчеркиваю, что считаю ихъ характерными для Чехова. Чеховъ и манерность! Поставить рядомъ эти два слова могутъ только тѣ, которые не имѣютъ никакого понятія о Чеховѣ. А кто же не знаетъ, что одна изъ самыхъ яркихъ его особенностей есть именно отсутствіе манерности, полное отсутствіе всяческихъ условностей и всяческихъ ухищреній, которыми мы улавливаемъ другъ друга въ свои сѣти.

„Скажу прямо, — говорить въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ знавшихъ Чехова, — я встрѣчалъ людей не менѣе искреннихъ, чѣмъ Чеховъ, но людей до такой степени простыхъ, чуждыхъ всякой фразы и аффектировки, я не помню“.

И это святая правда. Онъ горячо любилъ все искренное, жизненное, органическое, — если только оно не было грубо и косно, — и положительно не выносилъ фразеровъ, книжниковъ и фарисеевъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые настолько вошли въ свои роли, что роли стали ихъ вторыми натурами. Въ своихъ работахъ онъ почти никогда не говорилъ о себѣ, о своихъ вкусахъ, о своихъ взглядахъ, что и повело, кстати сказать, къ тому, что его долго считали человекомъ безпринципнымъ, необщественнымъ... Въ жизни онъ также никогда не носился со своимъ „я“; очень

рѣдко говорилъ о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ: „я люблю то-то“... „я не выношу того-то“... это не Чеховскія фразы... Но симпатіи и антипатіи его были чрезвычайно устойчивы и опредѣленны, и среди его симпатій одно изъ первыхъ мѣстъ занимала именно естественность. И, конечно, только его постоянной жаждой наивысшей простоты, его отвращеніемъ ко всему вычурному, неестественному и напряженному объясняется его замѣчаніе о наивной прелести дѣтскаго описанія моря. А въ его словахъ объ офицерѣ и музыкѣ сказалаь другая его особенность: сдержанность. Неожиданный переходъ отъ моря къ офицеру былъ, несомнѣнно, вызванъ его затаенной грустью о молодости, о здоровьѣ. Море пустынно... а онъ любилъ жизнь, радость, и за послѣдніе годы эта жажда радости, хотя бы самой простой, самой обыденной, особенно часто сказывалась въ его разговорѣ. Но именно только сказывалась: ставить точки надъ і онъ не любилъ.

Слова за послѣднее время стали очень дешевы. Ихъ хорошія, и дурныя слова произносятся теперь съ удивительной легкостью и лживостью. Но, кажется, чаще всего такъ говорятъ объ умершихъ. Очень много легкости, лжи, неточностей, а порою—просто скудоумія можно встрѣтить и въ воспоминаніяхъ о Чеховѣ. Пишутъ же, напримѣръ, что Чеховъ происходилъ чуть ли не изъ мужицкой семьи, что отецъ его былъ прасоль, что Чеховъ поѣхалъ на Сахалинъ за тѣмъ, чтобы поддержать репутацію „серьезнаго“ человѣка, и въ дорогѣ такъ простудился, что нажилъ чахотку... Пишутъ даже такой вздоръ, какъ то, что смерть Чехова была ускорена постановкой „Вишневаго сада“: наканунѣ спектакля, сказано въ одной брошюркѣ о Чеховѣ, Чеховъ такъ волновался, такъ боялся, что его пьеса не понравится публикѣ, что всю ночь бредилъ... Все это, повторяю, сущій вздоръ. Дѣдъ Чехова только въ ранней молодости былъ крѣпостнымъ, а затѣмъ откупился на волю и служилъ управляющимъ у графа Панина,—и, кстати сказать, былъ очень живой и талантливый

человѣкъ; мать Чехова происходитъ изъ купеческаго рода Морозовыхъ; отецъ воспитывался и почти всю жизнь прожилъ въ городѣ, занимаясь сперва бакалейной торговлей въ Таганрогѣ, потомъ въ конторѣ купцовъ Гавриловыхъ въ Москвѣ, а съ тѣхъ поръ, какъ сыновья стали на ноги,—главнымъ образомъ, чтеніемъ, къ которому имѣлъ исключительную склонность... Въ томъ, что Чеховъ поѣхалъ на Сахалинъ за репутаціей „серьезнаго“ человѣка, тоже нѣтъ ни слова правды: никогда въ жизни Чеховъ не игралъ ролей,—это было діаметрально противоположно его натурѣ. Поѣхалъ онъ на Сахалинъ потому, что его интересовалъ Сахалинъ, и еще потому, что въ путешествіи онъ хотѣлъ встряхнуться послѣ смерти брата Николая, талантливаго художника. И чухотку онъ нажилъ не въ Сибири,—о томъ, что его легкія „хрипятъ“, онъ упоминалъ въ письмахъ къ сестрѣ еще въ 87 г.,—хотя несомнѣнно, что ѣздить ему не слѣдовало: взять хотя бы этотъ страшно тяжелый двухмѣсячный путь на перекладныхъ, ранней весной, въ дождь и въ холодъ, почти безъ сна и положительно на пищѣ св. Антонія, благодаря дикости сибирскихъ трактовъ,—путь, о которомъ Чеховъ писалъ роднымъ съ удивительнымъ спокойствіемъ, а чаще всего даже въ шутку! Что же касается до волненій о „Вишневомъ садѣ“, то это выдумано ужъ просто нелѣпо. Пишущіе, конечно, очень чувствительны къ тому, что говорятъ о нихъ, и много, много есть въ пишущихъ чувствительности жалкой, мелкой, неврастенической... Но, Боже мой, какъ все это далеко отъ такого большого и сильнаго человѣка, какъ Чеховъ! Конечно, и его волновало отношеніе къ нему толпы, но вѣдь рѣдко кто съ такимъ мужествомъ слѣдовалъ велѣніямъ своего сердца, а не велѣніямъ толпы, какъ онъ, и немногіе умѣли такъ, какъ онъ, скрывать ту острую боль, которую причиняетъ человѣческому уму человѣческая глупость. Намъ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, только одинъ вечеръ, когда Чеховъ былъ явно потрясенъ неуспѣхомъ,—вечеръ

постановки „Чайки“ въ Петербургѣ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло... Если бы „Вишневый садъ“ и потерпѣлъ неуспѣхъ, спокойно взглянули бы на этотъ неуспѣхъ его благородные и уже усталые глаза... Да и кто могъ знать, волнуется онъ или нѣтъ? Того, что совершалось въ глубинѣ его души, никогда не знали во всей полнотѣ даже самые близкіе ему люди. А что же сказать о постороннихъ и особенно о тѣхъ не чуткихъ и не умныхъ, имя которымъ, поистинѣ, легіонъ, и къ откровенности съ которыми Чеховъ былъ органически неспособенъ?

Мальчикомъ Чеховъ былъ, по словамъ его школьнаго товарища Сергѣенко, „вялымъ увальнемъ съ лунообразнымъ лицомъ“. Я, судя по портретамъ и по рассказамъ родныхъ Чехова, представляю его себѣ иначе. Слово „увалень“ совсѣмъ не подходитъ къ хорошо сложенному, выше средняго роста мальчику. И лицо у него было не „лунообразное“, а просто—большое, очень умное и очень спокойное лицо. Вотъ это спокойствіе и дало, вѣроятно, поводъ считать мальчика Чехова „увальнемъ“,—спокойствіе, а отнюдь не вялость, которой у Чехова никогда не было—даже въ послѣдніе годы. Но и спокойствіе это было, мнѣ кажется, особенное,—спокойствіе мальчика, въ которомъ зрѣли большія, свѣжія силы, рѣдкая наблюдательность и рѣдкій юморъ. Да и какъ, въ противномъ случаѣ, согласовать слова Сергѣенко съ рассказами матери и братьевъ Чехова о томъ, что въ дѣтствѣ „Антоша“ былъ неистощимъ на выдумки, которыя заставляли хохотать до слезъ даже суроваго въ ту пору Павла Егоровича! Какъ объяснить то, что этотъ „увалень“ учился сравнительно очень недурно, едва заглядывая въ учебники?.. Въ юности,—въ тѣ счастливые дни, когда ему доставляло удовольствіе проектировать такіа произведенія, какъ „Искусственное разведеніе ежей,—руководство для сельскихъ хозяевъ“,—это спокойствіе какъ бы потонуло въ пышномъ расцвѣтѣ прирожденной Чехову жизнерадостности: всѣ, кто знали его въ

эту пору, говорить о неотразимомъ очарованіи его веселости, красоты его открытаго, простаго, но ярко одухотвореннаго лица и его лучистыхъ, честныхъ глазъ... Но годы шли, жизненный опытъ возрасталъ, духъ и мысль становились все глубже и прозорливѣе—и Чеховъ снова овладѣлъ собою. Это было время, когда онъ, смѣло отдавъ дань молодости, первымъ непосредственнымъ проявленіямъ своей богатой натуры, уже приступилъ къ суровому въ своей художественной неподкупности изображенію дѣйствительности. И мои первыя встрѣчи съ нимъ относятся именно къ этому времени.

Въ Москвѣ, въ девяносто пятомъ году, я увидѣлъ человѣка среднихъ лѣтъ, въ пенснэ, одѣтаго просто и пріятно, довольно высокаго, очень стройнаго и очень легкаго въ движеніяхъ. Встрѣтилъ онъ меня привѣтливо, но такъ просто, что я, — тогда еще юноша, не привыкшій къ такому тону при первыхъ встрѣчахъ, — принялъ эту благородную простоту за холодность... Въ Ялтѣ я нашелъ его уже сильно измѣнившимся: онъ похудѣлъ, потемнѣлъ въ лицѣ; во всемъ его обликѣ попрежнему сквозило присущее ему изящество, — однако, это было изящество уже не молодого, а много пережившаго и еще болѣе облагороженнаго пережитымъ человѣка. И голосъ его звучалъ уже мягче... Но, въ общемъ, по обращенію, онъ былъ почти тотъ же, что и въ Москвѣ: привѣтливъ, но сдержанъ, говорилъ довольно оживленно, но еще болѣе просто и кратко, и во время разговора все думалъ о чемъ-то своемъ, предоставляя собесѣднику самому улавливать переходы въ скрытомъ теченіи своихъ мыслей, и все глядѣлъ на море сквозь стекла пенснэ, слегка приподнявъ лицо...

На другое утро, послѣ встрѣчи на набережной, я поѣхалъ къ нему на дачу. Ясно помню это веселое, солнечное утро, которое мы провели съ Чеховымъ въ его садикѣ. Онъ былъ очень оживленъ, много шутилъ и, между прочимъ, прочиталъ мнѣ един-

ственное, какъ онъ говорилъ, стихотвореніе, написанное имъ: „Зайцы, басня для дѣтей“.

Шли однажды черезъ мостикъ
Жирные китайцы;
Впереди ихъ, задравъ хвостикъ,
Поспѣшали зайцы.

Вдругъ китайцы закричали:
„Стой, лови! Ахъ! Ахъ!“
Зайцы выше хвостъ задрали
И попрятались въ кустахъ.

Мораль сей басни такъ ясна:
Кто хочетъ зайцевъ кушать,
Тотъ ежедневно, вставъ отъ сна,
Панашу долженъ слушать.

Съ тѣхъ поръ я началъ бывать у него все чаще и чаще, а потомъ сталъ и совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ. Сообразно съ этимъ, конечно, измѣнилось и отношеніе ко мнѣ Чехова. Оно стало оживленнѣе, сердечнѣе... Но сдержанность осталась; и проявлялась она не только въ обращеніи со мной, но и съ людьми самыми близкими ему, и означала она, какъ я убѣдился потомъ, не равнодушіе, а нѣчто гораздо большее...

Бѣлая каменная дача въ Ауткѣ, такая красивая и стройная подъ яркимъ, южнымъ солнцемъ и синимъ небомъ; ея маленькій садикъ, который съ такой заботливостью разводилъ Чеховъ, всегда любившій цвѣты, деревья и животныхъ; его кабинетъ, украшеніемъ котораго служили только двѣ-три картины Левитана да огромное полукруглое окно, открывавшее видъ на утонувшую въ садахъ долину рѣки Учанъ-Су и синій треугольникъ моря; тѣ часы, дни, иногда даже мѣсяцы, которые я проводилъ на этой дачѣ, и то сознаніе близости къ человѣку, который плѣнялъ меня не только своимъ умомъ и талантомъ, но даже своимъ суровымъ голосомъ и своей дѣтской улыбкой—останутся навсегда одними изъ самыхъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Былъ и онъ настроенъ ко мнѣ дружески... по крайней мѣрѣ, такъ чувствовалось по его письмамъ, по той радостной улыбкѣ, съ которой

онъ всегда встрѣчалъ меня... Къ тому, что я пишу, онъ тоже относился очень хорошо... Но та сдержанность, о которой я упомянулъ, не покидала его даже въ самыя задушевные минуты нашихъ разговоровъ, а про его отношеніе къ тому, что я пишу, я узналъ, какъ слѣдуетъ, только послѣ его смерти, изъ газетъ: самъ онъ почти никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ. Скажу даже болѣе: онъ былъ рѣдкій семьянинъ, онъ нѣжно любилъ мать, сестру, братьевъ, но и съ ними онъ держался такъ, что очень многіе думали, что онъ почти равнодушенъ къ нимъ... И такъ во всемъ.

Онъ былъ великій юмористъ,— но обратите вниманіе на его юмористическія произведенія, даже на тѣ изъ нихъ, надъ которыми можно хохотать до слезъ: ни одного каламбура, ни одного краснаго словечка, ни одного жеста въ сторону читателя! Онъ любилъ смѣхъ, но смѣялся своимъ милымъ, заразительнымъ смѣхомъ только тогда, когда кто-нибудь другой рассказывалъ что-нибудь смѣшное; самъ онъ говорилъ самыя смѣшныя вещи безъ малѣйшей улыбки. Онъ очень любилъ шутки, нелѣпыя прозвища, глупости, мистификаціи... Даже въ послѣдніе годы, какъ только ему хоть ненадолго становилось лучше, онъ былъ неистощимъ на нихъ, но какимъ тонкимъ комизмомъ вызывалъ онъ неудержимый смѣхъ! Бросить два-три слова, лукаво блѣснуть глазомъ поверхъ пенснэ — и достаточно. А его письма! Кто-то, — кажется, Левъ Толстой, — сказалъ, что хорошія письма — самый трудный родъ литературы, а письма Чехова были не только хороши — они были удивительны по своей естественности, точности и красотѣ стиля, и сколько въ нихъ было всегда юмора, при ихъ совершенно спокойной формѣ!

„Милый Иванъ Алексѣевичъ, стало быть, позвольте на Страстной ждать Васъ. Непремѣнно, обязательно пріѣзжайте, у насъ будетъ очень много закусокъ, къ тому же въ Ялтѣ такая теплынь теперь, столько цвѣтовъ! Пріѣзжайте, сдѣлайте такую милость! Жениться

я раздумалъ, не желаю, но все же, если Вамъ покажется скучно, то я, такъ и быть ужъ, пожалуй, женюсь“... (25 марта 1901 года).

Или: „Дорогой Иванъ Алексѣевичъ, завтра я уѣзжаю въ Ялту, куда и прошу написать мнѣ поздравленіе съ законнымъ бракомъ... Желаю Вамъ всего хорошаго-съ, будьте здоровы-съ. Вашъ А. Чеховъ, аутскій мѣщанинъ“. (30 іюня 1901 г.).

Но сдержанность Чехова сказывалась и во многомъ другомъ, болѣе важномъ, и тогда уже ясно свидѣтельствовала о рѣдкой силѣ его натуры. Кто, напримѣръ, слышалъ отъ него жалобы, кто знаетъ, какъ страдалъ онъ? А причинъ для страданій было много. Онъ началъ работать среди большихъ матеріальныхъ лишеній, въ семьѣ, терпѣвшей въ пору его молодости прямо-таки нужду, и онъ работалъ на семью мало того, что за гроши, но еще и въ обстановкѣ, способной угасить самое пылкое вдохновеніе: въ маленькой квартиркѣ, среди говора и шума, часто на краешкѣ стола, вокругъ котораго сидѣла не только вся семья, но еще нѣсколько человѣкъ гостей—студентовъ. Онъ постоянно нуждался и потомъ, уже будучи извѣстнымъ, нуждался даже въ послѣдніе годы, будучи больнымъ и знаменитымъ. Но я буквально никогда не слыхалъ отъ него сѣтованій на судьбу, и это вытекало не изъ скрытности его характера и не изъ ограниченности его потребностей: онъ никогда не скрывалъ, что нуждается и нуждался, а что касается ограниченности его потребностей, то кто же не знаетъ, какъ онъ, будучи на рѣдкость благородно-скромнымъ въ своемъ образѣ жизни, въ то же время ненавидѣлъ сѣрую, скудную жизнь?.. Онъ пятнадцать лѣтъ былъ боленъ изнурительной болѣзнью, которая неуклонно вела его къ смерти; но слышалъ ли читатель,—русскій читатель, который слышалъ столько горькихъ писательскихъ воплей,—хоть единый звукъ жалобы отъ Чехова? Больные любятъ свое привилегированное положеніе: часто самые сильные изъ нихъ

почти съ наслажденіемъ терзають окружающихъ своими капризами, своими непрестанными разговорами о своей болѣзни; но было поистинѣ изумительно то мужество, съ которымъ болѣлъ и умеръ Чеховъ! Даже въ дни его самыхъ тяжелыхъ страданій часто никто и не подозрѣвалъ о нихъ.

— Тебѣ нездоровится, Антоша?—спросить его мать или сестра, видя, что онъ весь день сидитъ въ креслѣ съ закрытыми глазами.

— Мнѣ?—спокойно отвѣтитъ онъ, открывая глаза,—такіе ясные и кроткіе безъ пенснэ.—Нѣтъ, ничего. Голова болитъ немного.

И больше ни звука.

Онъ горячо любилъ литературу, и говорить о писателяхъ, о ихъ произведеніяхъ, восхищаться Мопассаномъ, Флоберомъ или Толстымъ, „Казаками“ или „Анной Карениной“,—было для него наслажденіемъ. Особенно часто онъ съ восторгомъ говорилъ именно объ этихъ писателяхъ да еще о „Тамани“ Лермонтова.

— Не могу понять,—говорилъ онъ,—какъ могъ онъ, будучи почти мальчикомъ, сдѣлать это! Вотъ бы написать такую вещь да еще водевилъ хорошій, тогда бы и умереть можно!

Но его разговоры о литературѣ были совсѣмъ не похожи на тѣ обычные профессиональные разговоры, которые такъ непріятны своею кружковой узостью, мелочностью своихъ чисто практическихъ и чаще всего — личныхъ интересовъ. Будучи прежде всего литераторомъ, Чеховъ, однако, настолько рѣзко отличался отъ большинства пишущихъ, что къ нему даже не шло слово „литераторъ“, какъ не идетъ оно, на примѣръ, къ Толстому, и не идетъ прежде всего потому, что большинство нашего брата—люди, живущіе только жаждой заработка и повышеній, интересами только своего мірка и своей службы. И поэтому разговоръ о литературѣ Чеховъ заводилъ только тогда, когда зналъ, что его собесѣдникъ любитъ въ литера-

турѣ прежде всего искусство, искусство безкорыстное и свободное.

— Никому не слѣдуетъ читать своихъ вещей до напечатанія,—говорилъ онъ мнѣ перѣдко.— А главное, никогда не слѣдуетъ слушать ничьихъ совѣтовъ. Ошибся, совралъ—пусть и ошибка будетъ принадлежать только тебѣ. Послѣ тѣхъ высокихъ требованій, которыя поставилъ своимъ мастерствомъ Мопассанъ, трудно работать, но работать все же надо, особенно намъ, русскимъ, и въ работѣ надо быть смѣлымъ. Есть большія собаки и есть маленькія собаки, но маленькія не должны смущаться существованіемъ большихъ: всѣ обязаны лаять — и лаять тѣмъ голосомъ, какой Господь Богъ далъ.

Все, что совершалось въ литературномъ мірѣ, было, конечно, очень близко сердцу Чехова, и много волненій пережилъ онъ среди той лжи, манерности и фокусничества, которыя столь пышно цвѣтутъ теперь въ литературѣ. Но никогда не замѣчалъ я въ его волненіяхъ мелочной раздражительности, и никогда не примѣшивалъ онъ къ нимъ личныхъ чувствъ. Почти про всѣхъ умершихъ писателей говорятъ, что они радовались чужому успѣху, что они были чужды самолюбія, и поэтому, если бы у меня была хоть тѣнь сомнѣнія относительно писательскаго самолюбія Чехова, я совсѣмъ не затронулъ бы вопроса о самолюбіяхъ. Но онъ дѣйствительно радовался отъ всего сердца всякому проявленію талантиности, и не могъ не радоваться уже по одному тому, что слово „бездарность“ было, кажется, наивысшей бранью въ его устахъ. Радовался онъ всегда и чужимъ, конечно, заслуженнымъ, успѣхамъ, а къ своимъ успѣхамъ и неуспѣхамъ относился такъ, какъ можетъ относиться къ нимъ только такой большой человѣкъ, какимъ онъ былъ самъ.

Онъ работалъ въ литературѣ почти 25 лѣтъ, и сколько плоскихъ и грубыхъ упрековъ выслушалъ онъ за это время! Онъ былъ поэтъ, — одинъ изъ самыхъ

искреннѣйшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ поэтовъ, — и говорилъ о своихъ идеалахъ всегда языкомъ поэта, а не проповѣдника; изображая жизнь, онъ оставался прежде всего тѣмъ, чѣмъ ему было на роду написано быть — художникомъ: ни тенденціозности, ни подчеркиваній, ни угожденій моменту! А можно ли при этомъ разсчитывать на пониманіе и благосклонность критики въ Россіи, гдѣ большинство критиковъ, особенно за послѣднее время, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ искусству? Вѣдь требовали же критики и покупатели картинъ Левитана, чтобы онъ „оживилъ“ пейзажъ... подрисовалъ коровку, гусей или женскую фигуру!.. И, конечно, не сладко было Чехову имѣть такихъ критиковъ, и много горечи они влили въ его душу, и безъ того отравленную русской жизнью. И горечь эта сказывалась, но опять-таки только *сказывалась*.

— Да, Антонъ Павловичъ, вотъ скоро и юбилей вашъ будемъ праздновать!

— Знаю-съ я эти юбилеи. Бранятъ человѣка двадцать пять лѣтъ на всѣ корки, а потомъ дарятъ ему гусиное перо изъ алюминія и цѣлый день несутъ надъ нимъ, со слезами и поцѣлуями, восторженную ахинею!

И чаще всего на разговоры о его славѣ и о томъ, что о немъ пишутъ, онъ отвѣчалъ именно такъ — двумя-тремя словами или шуткой.

— Читали, Антонъ Павловичъ? — скажешь ему, напимѣрь, увидавъ гдѣ-нибудь статью о немъ.

А онъ только поѣсится поверхъ пенснэ и, комично вытянувъ лицо, отвѣтитъ своимъ груднымъ басомъ:

— Покорно васъ благодарю! Напишутъ о комъ-нибудь тысячу строкъ, а внизу прибавятъ: „а то вотъ еще есть писатель Чеховъ: нытикъ“.

И только иногда прибавитъ серьезно:

— Когда васъ, милостивый государь, гдѣ-нибудь бранятъ, вы почаще вспоминайте насъ, грѣшныхъ:

насъ, какъ въ бурсѣ, критики драли за малѣйшую провинность. Мнѣ одинъ критикъ пророчилъ, что я умру подъ заборомъ: я представлялся ему молодымъ человѣкомъ, выгнаннымъ изъ гимназіи за пьянство.

Злымъ Чехова я никогда не видалъ; но и раздражался онъ рѣдко, а если и раздражался, то изумительно умѣлъ владѣть собой. Помню, напримѣръ, какъ онъ однажды былъ взволнованъ характеристикой его таланта въ одной очень толстой и очень тупой книгѣ, состоящей изъ портретовъ писателей и замѣтокъ о нихъ, гдѣ говорилось о „равнодушіи“ Чехова къ вопросамъ нравственности и общественности и о его мнимомъ пессимизмѣ. И, однако, его волненіе сказалось только въ двухъ, сурово и задумчиво сказанныхъ, словахъ:

— Форменный идіотъ!

Но и холоднымъ я его не видалъ. Холоденъ онъ бывалъ, по его словамъ, только за работой, къ которой онъ приступалъ всегда уже послѣ того, какъ мысль и образы его будущаго произведенія становились ему совершенно ясны, и которую онъ исполнялъ почти всегда безъ перерывовъ, неукоснительно доводя ее до конца.

— Садиться писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холоднымъ, какъ ледъ,—сказалъ онъ однажды.

Но, конечно, это была совсѣмъ особая холодность,—холодность художника, нисколько не противорѣчащая тому, что называется вдохновеніемъ. Ибо много ли среди русскихъ писателей найдется такихъ, у которыхъ душевная чуткость и сила воспріимчивости были бы больше Чеховскихъ? Рѣдкая душевная отзывчивость и пониманіе всего съ малѣйшаго намека чувствовались въ немъ постоянно, но, повторю, онъ удивительно умѣлъ владѣть собою — и въ творчествѣ, и въ жизни.

Чтобы образъ Чехова сталъ ясенъ русскому обществу, нужно, чтобы какой-нибудь большой и разносторонне одаренный человѣкъ написалъ книгу, посвя-

ценную прежде всего творчеству Чехова, этого „несравненнаго“, по выраженію Толстого, художника, такъ остро перестрадаващаго печали нашей жизни, изобразившаго ее съ такой прямою и съ такою силой говорившаго о томъ, что жизнь должна быть всѣмъ легка и радостна, прекрасна и изящна въ каждомъ своемъ проявленіи. Что до меня, то написать больше того, что написано здѣсь, я пока не могу... хотя бы потому, напимѣръ, что я еще не въ состояніи методически копаться въ тысячѣ мелкихъ, но дорогихъ мнѣ воспоминаній о немъ, и потому, наконецъ, что это было бы непріятно и его семьѣ, столь близкой мнѣ. Вмѣсто всякихъ воспоминаній, мнѣ хотѣлось бы сказать пока одно — это то, что въ жизни онъ былъ именно тѣмъ, чѣмъ былъ и въ творествѣ, — человѣкомъ рѣдкаго душевнаго благородства: воспитанности и изящества въ самомъ лучшемъ значеніи этихъ словъ, мягкости и деликатности при необыкновенной искренности и простотѣ, чуткости и нѣжности при рѣдкой правдивости.

Быть правдивымъ и естественнымъ, оставаясь въ то же время благороднымъ и плѣнительнымъ, — это значитъ быть необыкновенной по красотѣ, цѣльности и силѣ натурой. И если я такъ часто говорилъ здѣсь о спокойствіи Чехова, то это происходило потому, что его спокойствіе кажется мнѣ свидѣтельствующимъ о силѣ его натуры. Оно, я думаю, не покидало его даже въ дни самаго яркаго расцвѣта его жизнерадостности, и, можетъ быть, именно оно дало ему въ молодости возможность не склониться ни передъ чѣмъ вліяніемъ и начать работать такъ безпритязательно и въ то же время такъ смѣло, „безъ всякихъ контрактовъ съ своей совѣстью“ и съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ.

Помните слова стараго профессора въ „Скучной исторіи“?

„Я не скажу, чтобы французскія книжки были и умны, и талантливы, и благородны; но онѣ не такъ

скучны, какъ русскія, и въ нихъ не рѣдкость найти главный элементъ творчества — чувство личной свободы...”

И вотъ этимъ-то чувствомъ личной свободы и отличался Чеховъ, не терпѣвшій, чтобы и другихъ лишали ея, и становившійся даже рѣзкимъ и прямолинейнымъ, когда видѣлъ, что на нее посягали.

— Хорошо-то, хорошо, — сказалъ однажды одинъ беллетристъ про другого въ присутствіи Чехова. — Только все про любовь, да про любовь!

— Про любовь или не про любовь — это безразлично, — отвѣтилъ Чеховъ, нахмурившись. — Главное, чтобы было талантливо.

Какъ извѣстно, эта „свобода“ не прошла ему даромъ, но Чеховъ былъ не изъ тѣхъ, у которыхъ двѣ души: одна для себя, другая — для публики. Успѣхъ, который онъ имѣлъ, очень долго, до смѣшного, не соотвѣтствовалъ его заслугамъ... Но сдѣлалъ ли онъ за всю жизнь хоть малѣйшее усиліе для того, чтобы увеличить свою популярность? Онъ буквально съ болью и отвращеніемъ смотрѣлъ на всѣ тѣ приемы, какіе нерѣдко пускаются теперь въ ходъ для пріобрѣтенія успѣха.

— А вы все думаете, что они — писатели! Они — извозчики! — говорилъ онъ съ горечью.

И его нежеланіе выставять себя на видъ доходило порой до крайностей.

„Публикуетъ „Скорпіонъ“ о своей книгѣ неряшливо, — писалъ онъ мнѣ послѣ выхода первой книги „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“. — Выставляетъ меня первымъ, и я, прочитавъ это объявленіе въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, далъ себѣ клятву больше уже никогда не вѣдаться ни со скорпіонами, ни съ крокодилами, ни съ ужами“.

Это было зимою 1900 г., когда Чеховъ, заинтересовавшись кое-какими черточками въ дѣятельности только-что организованнаго тогда книгоиздательства „Скорпіонъ“, далъ въ альманахъ этого книгоиздатель-

ства одинъ изъ своихъ юношескихъ разсказовъ: „Въ морѣ“. Впослѣдствіи онъ не разъ раскаивался въ этомъ.

— Нѣтъ, все это новое московское искусство — вздоръ,—говорилъ онъ.— Помню, въ Таганрогѣ я видѣлъ вывѣску: „Заведеніе искусственныхъ фруктовыхъ водъ“. Вотъ и это тоже — заведеніе искусственныхъ фруктовыхъ водъ!

А его сдержанность проистекала, мнѣ кажется, изъ аристократизма его духа, между прочимъ, и изъ его стремленія быть точнымъ въ каждомъ своемъ словѣ. Придетъ время, когда поймутъ, какъ слѣдуетъ, и то, что это былъ не только „несравненный“ художникъ, не только изумительный мастеръ слова, но и несравненный поэтъ... Только когда придетъ это время? Еще не скоро поймутъ во всей полнотѣ его тонкую и цѣломудренную поэзію, которой почти всегда обвѣяна горькая правда жизни, изображенная имъ. Онъ даже отъ близкихъ людей тайлъ поэзію своей души, какъ тайлъ и свою доброту, и свою нѣжность... А онъ былъ очень нѣженъ. И особенно за послѣдніе дни своей жизни...

„Здравствуйте, милый Иванъ Алексѣевичъ!—писалъ онъ мнѣ прошлой зимой въ Ниццу.—Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Письмо Ваше получилъ, спасибо. У насъ въ Москвѣ все благополучно и скучно, новаго (кромѣ новаго года) ничего нѣтъ и не предвидится, пьеса моя еще не шла, и когда пойдетъ—неизвѣстно. Очень возможно, что въ февралѣ я приѣду въ Ниццу, остановлюсь у Н. И. Юрасова, отъ котораго недавно получилъ письмо... Поклонитесь отъ меня милому теплому солнцу, тихому морю. Живите въ свое полное удовольствіе, утѣщайтесь, не думайте о болѣзняхъ и пишите почаще Вашимъ друзьямъ... Будьте здоровы, веселы, счастливы и не забывайте бурныхъ сѣверныхъ компатріотовъ, страдающихъ несвареніемъ и дурнымъ расположеніемъ духа. Цѣлую Васъ и обнимаю. Вашъ А. Чеховъ. (8 янв. 1904 г.).

„Поклонитесь отъ меня милому теплому солнцу,

тихому морю...“ Такія слова я слышалъ отъ него рѣдко. Очень часто я скорѣе чувствовалъ, что онъ долженъ произнести ихъ, и это были минуты, въ которыя мнѣ становилось почему-то очень больно на сердцѣ. Помню, наприимѣръ, одну ночь ранней весной въ Крыму. Было уже поздно; вдругъ меня зовутъ къ телефону. Подхожу и слышу басъ Чехова:

— Миллсдаръ, возьмите хорошаго извозчика и заѣзжайте за мной. Поѣдемте кататься.

— Кататься? Ночью? — удивился я. — Что съ вами, Антонъ Павловичъ?

— Влюбленъ.

— Это хорошо, но уже десятый часъ... И потомъ— вы можете простудиться...

— Молодой человѣкъ, не разсуждайте-съ!

Я съ удовольствіемъ повиновался и черезъ десять минутъ былъ уже въ Ауткѣ. Въ домѣ, гдѣ зимою Чеховъ жилъ только съ матерью, была, какъ всегда, мертвая тишина и темнота,—только изъ комнаты Евгеніи Яковлевны пробивался сквозь дверную щель свѣтъ, да тускло горѣли двѣ свѣчечки въ кабинетѣ, теряясь въ полумракѣ. И, какъ всегда, у меня сжалось сердце при видѣ этого тихаго кабинета, гдѣ для Чехова протекло столько одинокихъ зимнихъ вечеровъ, полныхъ, можетъ быть, горькихъ думъ о судьбѣ, такъ богато одарившей его, развернувшей передъ его глазами всю прелесть міра и такъ зло посмѣявшейся надъ нимъ.

— Какая ночь! — сказали онъ мнѣ съ необычной даже для него мягкостью и какой-то грустной радостью, встрѣчая меня на порогѣ кабинета. — А дома— такая скука! Только и радости, что затрещитъ телефонъ, да Софья Павловна спроситъ, что я дѣлаю, а я отвѣчу: мышей ловлю. Поѣдемте, въ Орианду. Простужусь—наплевать!

Ночь была, правда, удивительная, — теплая, тихая, съ яснымъ мѣсяцемъ, съ легкими бѣлыми облаками, съ рѣдкими лучистыми звѣздами въ голубомъ, глубоко-комъ небѣ. Экипажъ мягко катился по бѣлому шоссе,

и, обвѣянные тишиною ночи, мы молчали, глядя на блестящую тусклымъ золотомъ равнину моря... А потомъ пошелъ лѣсъ съ легкими узорами тѣней, похожими на паутину, еще голый, но уже по весеннему нѣжный, красивый и задумчивый... Потомъ зачернѣли толпы гигантовъ-кипарисовъ, величаво возносившихся къ лучистымъ звѣздамъ. И когда мы оставили экипажъ и тихо пошли подъ ними, мимо голубовато-блѣдныхъ въ лунномъ свѣтѣ развалинъ дворца, Чеховъ внезапно сказалъ мнѣ:

— Знаете, сколько лѣтъ еще будутъ читать меня? Семь.

— Почему семь?—спросилъ я.

— Ну, семь съ половиной.

— Вы поэтъ, Антонъ Павловичъ,—сказалъ я.—А то, въ чемъ есть поэзія, живетъ долго и чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе... какъ хорошее вино.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но когда мы сѣли гдѣ-то на скамью, съ которой снова открылся видъ на блестящее въ мѣсячномъ свѣтѣ море, онъ скинулъ пенснэ и, поглядѣвъ на меня добрыми и усталыми глазами, сказалъ:

— Поэтами, милостивый государь, считаются только тѣ, которые употребляютъ такія слова, какъ „серебристая даль“, „аккордъ“ или „на бой, на бой, въ борьбу со тьмой!“

— Вы грустный сегодня, Антонъ Павловичъ—сказалъ я, глядя на его простое, доброе и прекрасное лицо, слегка блѣдное отъ луннаго свѣта.

Опустивъ глаза, онъ задумчиво копалъ концомъ палки мелкіе камешки, но когда я сказалъ, что онъ грустенъ, онъ шутливо покосился на меня.

— Это вы грустны,—отвѣтилъ онъ.—И грустны оттого, что потратились на извозчика.

А потомъ серьезно прибавилъ:

— Читать же меня будутъ все-таки только семь лѣтъ, а жить мнѣ осталось и того меньше: шесть. Не говорите только объ этомъ одесскимъ репортерамъ...

На этотъ разъ онъ ошибся: онъ прожилъ гораздо меньше...

Умеръ онъ спокойно, безъ страданій, среди тишины и красоты лѣтняго разсвѣта, который онъ всегда такъ любилъ. И когда умеръ, „необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на его сразу помолодѣвшемъ лицѣ“... Смерть его не была для меня полной неожиданностью, а тому, что его будутъ читать „семь лѣтъ“, конечно, смѣшно вѣрить. И все-таки мысль, что онъ, котораго я такъ ясно вижу сидящимъ рядомъ со мною на скамьѣ въ эту незабвенную ночь въ Оріандѣ, лежитъ теперь въ землѣ, гдѣ-то здѣсь близко, въ могилѣ на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, — кажется мнѣ невыразимо нелѣпой, дикой, ошеломляющей...

